

Переосмысление понятия "профессиональная деятельность" в современном евангельском сообществе: культурно-богословские предпосылки и современная ситуация

В статье рассматривается процесс переосмысления современными протестантами Северо-Запада профессиональной деятельности и труда, а также их взаимосвязи с христианским служением и призванием. Также этот процесс сравнивается с формированием отношения к труду классических европейских протестантов в период Реформации с целью выявления общих тенденций отечественного и зарубежного протестантизма. На современном этапе отношение к труду варьируется в зависимости от типологической и конфессиональной принадлежности той или иной деноминации. В заключении делается вывод о необходимых действиях со стороны протестантов для более продуктивной профессиональной и

церковной деятельности и взаимодействия с окружающей культурой.

Ключевые слова: религиозная субкультура, религиозная контркультура, "культурная церковь", деноминация, конфессия, протестантизм, постпротестантизм, кальвинизм, харизматия, полноевангельское движение, баптисты, пятидесятники, евангельские христиане, православие, призвание, труд, служение, профессиональная деятельность, Библия.

Алексей Белов

Менеджер международной программы
Санкт-Петербургский Христианский Университет

Введение

На сегодняшний день в Санкт-Петербурге представлен практически весь спектр современных религиозных субкультур как деноминационно, так и на уровне различных движений, объединяющихся зачастую вокруг не тех или иных религиозно-богословских доктрин, но практик (те или иные социальные служения, различные практики, консолидирующие верующих различных вероисповеданий и пр.). Исключение, пожалуй, составляют "суперсовременные" движения, уже представленные на Западе, но еще не дошедшие до отечественного Северо-Запада в силу своего пока еще малого срока существования, либо имеющие возможность существовать только в западном культурном контексте. Однако это все же исключение.

В Петербурге существуют как традиционные протестантские и постпротестантские церкви, союзы, ассоциации, деноминации, так и те или иные внутри — и межконфессиональные движения. Большинство из них, тем не менее, все равно вынуждено адаптироваться к отечественной действительности в первую очередь на культурном уровне, а также на богословском, особенно когда речь идет о доктринах, связанных с теми или иными практическими сторонами жизни прихожан. И если та же доктрина о Троице или богодухновенности Писания (в протестантском контексте) традиционно остается одинаковой как по форме, так и по содержанию, как в России, так и на Западе, то миссионерская деятельность, социальное служение (особенно на примере реабилитационных программ для людей, столкнувшихся с проблемой алкогольной и/или наркотической зависимости), художественная деятельность и т.п. претерпевают значительное изменение.

Отношение к профессиональной деятельности, как на уровне повседневной работы, так и в сфере бизнеса, далеко не всегда совпадает с подобным отношением, представленным среди верующих тех же самых деноминаций в Северной Америке и Европе, даже когда речь идет о традиционных протестантских конфессиях. Последним различием и будет посвящена данная статья.

В отечественном контексте вопросам экономической, хозяйственной деятельности, проблемам отношения христиан к труду, анализу христианского осмысления профессиональной деятельности посвящены как исторические исследования (Е. В. Дроботушенко, О. Е. Наумова, В. А. Овчинников, Е. И. Тимонин и др.), так и социально-экономические (И. В. Забаев, О. Г. Садинова, Е. В. Тимченко и др.). Как правило, исследователи анализируют особенности хозяйственной, экономической деятельности представителей той или иной христианской конфессии (в подавляющем большинстве случаев — православия), либо проводят компаративистский анализ, выявляя общее и частное между конфессиональными особенностями отношения христиан к труду.

Очевидно, что анализ христианского осмысления "теории хозяйства" (термин прот. Сергия Булгакова²) должен быть сопряжен с подробным изучением мировоззренческих, богословских и социокультурных особенностей той или иной конфессии/деноминации/церкви.

В настоящей статье нам бы хотелось показать отличия в отношении к труду, профессиональной деятельности не между православием и протестантизмом в целом, а внутри самого протестантизма на примере религиозных субкультур, представленных в Санкт-Петербурге.

Исследование профессиональной деятельности — классическая и традиционная тема для социологического анализа религии (Э. Дюркгейм, М. Вебер, С. Н. Булгаков). В рамках исследования религиозного жизненного мира анализ профессиональной деятельности верующих людей представляет особый интерес. Отношение к труду, ценности и мотивация в профессиональной деятельности, выбор работы, исполнение того или иного служения являются важными индикаторами проникновения религиозных убеждений и знаний в сферу повседневной практики.

Следует отметить, что проведенный автором статьи ранее типологический анализ протестантских церквей и движений Петербурга показал, что это отнюдь не однородное явление³. В

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ ("Религиозные знания, убеждения и практики в жизненном мире: межконфессиональные особенности (православие и протестантизм)", проект № 11-33-00381a2.

² Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 86.

³ Белов А. Культурная типология протестантских конфессий в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга // "Телескоп": журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 5. С. 30-38.

отечественном контексте "протестантизм" следует писать в кавычках, поскольку к нему часто относят и те религиозные направления, которые по своей сути не являются христианством (к примеру, в ряды протестантов зачастую вписывают Свидетелей Иеговы, мормонов и др.). В настоящей статье под "протестантизмом" понимаются традиционные протестантские церкви и нео/постпротестантские движения и объединения.

В статье используются материалы интервью, проведенных в 2012 году в рамках реализации проекта "Религиозные знания, убеждения и практики в жизненном мире: межконфессиональные особенности (православие и протестантизм)", с представителями разных церквей (ЕХБ, евангельские христиане, харизматы, пятидесятники). Также автором используются материалы изучения деятельности христианских реабилитационных центров (Красноярский регион, Уральской регион, Санкт-Петербург и Ленинградская область) и включенного наблюдения (работа с отечественными и иностранными студентами).

Основные предпосылки

Каковы основные предпосылки, определяющие то или иное отношение к труду среди верующих? Каковы основные мировоззренческие установки, определявшие верования и практики людей, принадлежавших тем или иным конфессиям в 20-21 вв.? Безусловно, одна из основных ролей в этом дискурсе принадлежит богословию. Однако сначала стоит дать общее определение труду в религиозно-библейском контексте.

В Теологическом Энциклопедическом Словаре говорится, что понятие "труд" встречается в Библии много раз, причем работа по своей природе не является чем-то отрицательным. Скорее, это неотъемлемая часть жизни любого человека. Однако "это противоречит современным концепциям, согласно которым труд — от дьявола, и его следует избегать любыми доступными средствами"⁴. Хотя подобные воззрения и были присущи ряду религиозных групп в советское время, стоит сразу оговорить, что возникли они в силу напряженных отношений верующих с советским правительством. Тем не менее, их отголоски имеют место в ряде церквей и сегодня.

Грехопадение искозило и эту составляющую человеческой жизни: "В Быт. 3:17-18 ясно говорится, что в результате совершенного греха характер труда изменится, и это повлечет за собой физический распад человеческой личности. Отсюда, вероятно, в последующих местах Библии понятие "труд" обычно отождествляется с усталостью... Отношение к труду может измениться, только если человек рассматривает свой труд с точки зрения вечности"⁵. Здесь необходимо добавить, что о суетности любой деятельности много говорится в книге Екклесиаста, однако оригинальный смысл слова "суета" не предполагал больших усилий с минимальным результатом. Под суетой в этой книге Ветхого завета понимается скорее "дыхание, дуновение, т.е. то, что быстро исчезает, испаряется"⁶. "Человеческий труд, даже если человек наделен богатыми дарами, окажется бессмысленным, если человек не поймет, что его истинная цель — прославление Бога"⁷. Однако в переосмыслении взаимосвязи труда и прославления Бога также необходимо найти "золотую середину": те же кальвинисты далеко не всегда проповедуют евангелие в рамках своей работы открыто — они просто преобразуют мир. С этим можно связать и деятельность других верующих, полагающих, что они соработничают с Богом по преобразованию мира.

В отечественном же контексте на протяжении постперестроечного периода многие верующие порой не искали работу в соответствии с библейскими ценностями или со своим при-

званием, но скорее молились, чтобы Бог показал им, где им работать...

Вывод, приводимый в конце статьи из Теологического Энциклопедического Словаря, таков: "Служа человеку, человек должен проявлять верность и послушание, как будто бы он служит Господу (Еф. 6:5 и дал.); если же он работодатель, то должен проявлять ответственность и заботу по отношению к своим работникам... Т.е. любой труд почетен: обязанность трудиться возложена на человека Богом и служит прославлению Божьему (Откр.14:13)"⁸.

Что касается понимания труда как некоего негативного феномена, то в этом смысле сторонники подобных взглядов могут сослаться на текст Библии: "В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься" (Быт. 3:19). Ряд консервативных общин самого разного толка, особенно в советское время, использовал данный отрывок для истолкования труда как проклятия, т.е. последствия грехопадения. Отсюда культура в смысле любой деятельности человека, в том числе труда, представлялась как последствие грехопадения, что создавало предпосылки для утопического желания вернуться в первобытное состояние, лишенное тяжести современных технологий, социальных механизмов, финансовых отношений, необходимости труда (особенно если принять во внимание идеологические установки советского правительства касательно трудовой деятельности) и пр. В данной статье не будет уделяться внимание подобного рода мировоззренческой установке, поскольку на сегодняшний день это редкая крайность, едва ли характеризующая ту или иную конфессию в целом.

Как в советское время, так и сегодня труд воспринимается верующими просто как библейская заповедь (в практическом смысле это было особенно очевидно на примере церквей ЕХБ в советское время): "Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам" (Еф. 6:5-7). Т.е. верующие должны трудиться независимо от господствующего государственного строя просто потому, что в Библии есть такая заповедь. И действительно, баптисты славились своей прилежностью и трудолюбием даже среди своих оппонентов. Иначе дело обстояло с Советом Церквей ЕХБ, занявших крайне неконформистскую позицию, и старавшихся свести свое участие в социальной жизни до минимума.

Стоит также добавить, что тех же баптистов недолюбливали в советское время не за их любовь к труду (ведь труд принципиален для советского человека, это объективная ценность), сколько за их понимание труда как Божьей заповеди. В Советском Союзе все вместе трудились и все вместе жили либо хорошо, либо плохо, но в отличие от рядовых советских рабочих баптисты зачастую славились своим большим прилежанием и жили лучше остальных в том, что касалось практической жизни, хозяйства и т.п.

В своей статье "Социальная концепция русского протестантизма в контексте истории" Т.К. Никольская пишет: "Среди русских протестантов советского времени... люди с высшим образованием были редкостью. В церквях преобладали рабочие, колхозники, ремесленники, служащие низшего звена. Но, не имея высокого социального статуса, большинство их были честными, добросовестными работниками, высокими профессионалами в своей области. Это подтверждают как многочисленные воспоминания, так и письменные источники... Под-

⁴ Труд // Теологический Энциклопедический Словарь под ред. У.Элвелла — М.: Ассоциация "Духовное возрождение", 2003; с. 953-954.

⁵ Там же.

⁶ Ответ иерм. Иова Гумерова на вопрос о книге Екклесиаста — <http://www.pravoslavie.ru/answers/6707.htm>

⁷ Труд // Теологический Энциклопедический Словарь.

⁸ Труд // Теологический Энциклопедический Словарь.

черкнуто добросовестное отношение к труду большинства русских протестантов было вызвано несколькими причинами. **Первая и главная — это стремление исполнять библейские заповеди** [выделено Никольской]⁹. Далее Никольская приводит ряд весьма ярких примеров поощрения верующих за их трудолюбие даже со стороны враждебно настроенного к ним начальства.

В контексте данной статьи очень важно упомянуть следующий весьма специфический момент. Не только в советском прошлом, но зачастую и сегодня прилежность на работе верующих объясняется таким образом: "Работа была едва ли не единственным местом, где христианин мог свидетельствовать атеистам о своей вере — не столько словами (проповедь была запрещена), сколько честной, добропорядочной жизнью"¹⁰. Получается, для верующих важен был не столько положительный результат их труда (особенно во время работы на советское государство), сколько то влияние, которое этот результат мог произвести на людей, особенно тех, которые воспринимали труд как абсолютную ценность даже вне религии. Сюда же можно отнести еще одно объяснение трудолюбия верующих, выделенное Т.К. Никольской: при недобросовестном выполнении своих обязанностей верующих постигало наказание, куда более суровое, чем то, которое постигло бы атеистов за те же самые проступки. Это также могло отбросить тень на репутацию церкви.

Сегодня подобное понимание трудовой деятельности как проповеди стало несколько шире. Некоторые церкви молча "проповедают" не только посредством труда, но и через проведение тех или иных общественных мероприятий (концерты, спортивные соревнования и т.д.), по своей сути и формально никак не являющихся религиозными. Однако верующие посредством качественного их выполнения и установления контакта с людьми в рамках их проведения надеются тем самым "достичь" неверующих.

Тем не менее, считалось, что верующему человеку трудиться лучше на христианском поприще (церковное служение, миссионерская деятельность и пр.), нежели на государственном предприятии. Данная "традиция" сохраняется и сегодня: лучше найти свое служение в церкви или в христианской организации, нежели устраиваться на светскую работу. Таким образом, закончить библейские курсы для последующего христианского трудоустройства более поощрительно, чем получить светское образование. Хотя, конечно, и подобное положение вещей сегодня меняется. Все больше верующих (в том числе из прохаризматических и полнеевангельских церквей) получают высшее образование с целью найти более престижную работу или пытаются хотя бы получить серьезное гуманитарное образование.

Более умеренный взгляд представлен позицией, в рамках которой профессиональный труд и любая деятельность человека вообще воспринимается как соработничество с Богом, направленное на конструктивное преобразование этого мира. Традиционно среди протестантов нацеленность на улучшение этого мира и приближение его к образу Божьему и активный упор на труд вообще присущи реформатскому богословию. Конечно, подобная позиция противоречит некоторым богословским и мировоззренческим установкам русского человека независимо от вероисповедания. Так, многие люди привыкли, что от них мало чего зависит в этом мире; другие верующие досконально знают план Небесного Иерусалима в соответствии с книгой Откровения, но понятия не имеют о базовых социаль-

ных законах, финансовой деятельности и с подозрением относятся к любой форме бизнеса. Однако в современном евангельском сообществе появляется все больше людей, стремящихся к активной профессиональной, лидерской и предпринимательской деятельности, построенной на основании христианских ценностей¹¹. В этом случае труд воспринимается уже не как обязанность, но как личный выбор верующего для реализации своего потенциала и призвания. Последнее понятие активно переосмысливается с философско-богословской и практической точек зрения. Стоит отметить, что призвание всё реже воспринимается в том узком смысле, когда Бог призвал человека напрямую и поставил на определенное служение (в подавляющем числе случаев это служение, конечно же, церковное или пасторское).

То же можно сказать и о христианской деятельности в знак благодарности Богу. Раньше встречалось гораздо больше служителей, объяснявших свою деятельность тем, что это их благодарность Богу за спасение от грехов. Особенно это касалось миссионеров. Сегодня же подобное объяснение можно услышать от работников христианских реабилитационных центров, которые сами в прошлом имели проблему зависимости, избавились от нее, а теперь служат другим зависимым в благодарность Богу за избавление.

Многолетнее общение автора с представителями различных ветвей отечественного евангельского сообщества позволяет заключить следующее: в советское время и в период перестройки иерархия жизненных ценностей среди христиан выглядела таким образом — 1) то или иное служение или прославление Бога вообще, 2) церковь, 3) семья, 4) работа (т.е. работа стояла в системе ценностей на последнем месте). Сегодня ценностная иерархия все чаще выглядит так — 1) семья, 2) работа (работа на втором месте по важности, так как она необходима для того, чтобы кормить семью (см. 1 Тим. 3:2); 3) церковь — и это все вместе и есть прославление Бога.

Историко-культурные предпосылки и отличительные черты отечественной религиозной культуры в контексте понимания профессиональной деятельности

В данном параграфе будет предпринята попытка выявить особенности понимания труда, исторически присущие всем протестантам, а также уникальные черты, свойственные лишь отечественным верующим, и таким образом, сравнить их, сопоставив определенные исторические данности с современным положением вещей. К сожалению, на сегодняшний день практически нет отечественных авторов, уделяющих внимание христианскому пониманию труда.

Для выявления исторических особенностей современных отечественных протестантских церквей обратимся к социологическому анализу "классического" европейского протестантизма.

Макс Вебер отмечал, что "...протестанты... как в качестве господствующего, так и в качестве подчиненного слоя населения, как в качестве большинства, так и в качестве меньшинства проявляли специфическую склонность к экономическому рационализму, которую католики не обнаруживали и не обнаруживают ни в том, ни в другом положении. Причину различного поведения представителей названных вероисповеданий следует искать прежде всего в устойчивом внутреннем своеобразии каждого вероисповедания, а не только в его внешнем историко-политическом положении"¹². Здесь можно проследить параллель с отечественной действительностью на при-

⁹ Никольская Т. К. Социальная концепция русского протестантизма в контексте истории — http://www.archipelag.ru/agenda/gospel_povestka/chernovyk_ED/bogoslov_text1/?version=forprint

¹⁰ Там же.

¹¹ Иллюстрацией этой, относительно новой, тенденции может служить открытие магистерской программы по лидерству в Санкт-Петербургском Христианском Университете.

¹² См. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. - Ивано-Франковск: Ист-Вью, 2002. — с.26.

мере русского православия и русских протестантов, хотя чаще всего последние никогда не занимали позиции большинства. Конечно, в силу особенностей отечественного менталитета нельзя однозначно утверждать, что русские протестанты настолько же практичные и экономически ориентированные, как и западные верующие, однако зачастую именно протестанты в сравнении с рядовыми отечественными гражданами оказывались более преуспевающими.

В эпоху Реформации благодаря Кальвину формируется идея о взаимосвязи экономического процветания посредством усердного труда и спасения. Другими словами, процветание человека является признаком того, что он спасен (подробнее об этом будет сказано ниже). Сегодня аналогом подобного воззрения может служить т.н. "health and wealth gospel" ("евангелие благосостояния" — движение в современной христианской среде, начавшееся среди харизматических церквей), когда верующий как бы самому себе доказывает стремлением к преуспеванию и самим фактом успеха, что он спасен. От носителей подобной идеологии можно часто услышать выражения наподобие "я имею шикарную квартиру и автомобиль, потому что я настоящий христианин". Однако в этом смысле разница между западом и отечественной ситуацией, особенно в прошлом и настоящем, заключается в том, что если раньше на западе именно "католики... упрекают протестантов в "материализме"¹³, то на постсоветском пространстве "евангелие благосостояния" критикуется в основном самими евангельскими христианами¹⁴. Со стороны православия данная идеология подвергается критике в той же степени, в какой критикуется любое другое инославное исповедание, хотя ряд традиционных протестантских церквей считает именно "полноевангельское" вероучение наиболее явным искажением ряда ортодоксальных христианских доктрин (понимание природы и роли Святого Духа, предложенного корейским пастором Йонги Чо¹⁵; понимание взаимосвязи спасения и благосостояния и т.д.).

Вебер также пишет, что среди верующих предпринимателей и индустриалистов протестантов больше, чем католиков. Это сопоставимо и с современной отечественной ситуацией. Зачастую финансовое процветание объясняется необходимостью поддерживать финансово церковь, которая также должна процветать, если это истинная церковь, т.е. возрастая количественно, качественно и финансово. Однако, опять же, подобная установка свойственная в первую очередь полноевангельским церквям. Многие традиционные протестантские церкви существуют за счет сбора со своих прихожан десятины. Среднестатистический протестант в случае возникновения сложностей обратится за помощью к собственной общине. Для сравнения, в проправославном менталитете имеет место явления подаяния на улице, что не свойственно протестантизму. Не рассматривая этот вопрос более подробно, подчеркнем, что в отличие от отечественных культурных особенностей в протестантской Европе во многом благодаря учению Кальвина "нищета воспринималась как знак того, что человек проклят Богом"¹⁶.

"Так, враждебность к рабочим-методистам в XVIII в. и гонения, которым они подвергались со стороны других рабочих... объясняются отнюдь не только (и не главным образом) их религиозной эксцентричностью...; эти гонения объясняются их специфическим "трудолюбием"¹⁷. В отечественном контексте вышесказанное можно сопоставить с отношением советских граждан к баптистам в колхозах, хотя труд и был абсолютной

ценностью в советское время, о чем уже было сказано выше. И хотя причины гонений варьируются в той или иной эпохе и культурно-географической локации, общая тенденция такова: протестанты зачастую более усердны в труде (к тому же, исполняют светские законы, исправно платят налоги и пр.), чем светские или даже верующие люди "традиционных" вероисповеданий.

В христианском контексте понятия труда-работы тесно связаны со "служением". По сути, даже светская работа может быть служением и способом "прославить Бога", если она исполняется в соответствии с библейскими критериями. Рядом с этими категориями возникает и понятие "призвание", которое разные церкви и люди зачастую истолковывают по-разному. К примеру, по ап. Павлу призвание определяется дарами Духа. Сегодня верующие более склонны употреблять термины "таланты, способности" и пр. В свою очередь реализация призвания происходит в работе/служении.

Также ведется в отечественных евангельских кругах переосмысление взаимосвязи труда и служения в более меркантильном контексте. Зачастую служение понимается как неоплачиваемая деятельность, причем неважно, совершается оно в церкви или за ее пределами. Т.е. предполагается, что служение, даже если и совершается "в поте лица", совершается почти за бесплатно. Служение как особый вид деятельности верующего не предполагает оплаты. И если труд — вынужденная обязанность, необходимая для выживания, то служение — это и есть прославление Бога, в отличие от оплачиваемой деятельности. "Именно на этой грани рождается сегодня определение, кого можно считать посвященным христианином, а кого плотским, который все еще живет интересами мира"¹⁸. В итоге происходит разочарование в определенных аспектах церковной жизни и деятельности, как среди служителей, так и рядовых членов церкви, которые не могут быть задействованы в служении на полную занятость из-за своей светской работы.

Теперь необходимо поговорить о месте понятия "призвание" в формирующемся сегодня богословии труда. Однако начать необходимо с исторических предпосылок. Итак, "...в немецком слове "Beruf" и, быть может, в еще большей степени в английском "calling" наряду с другими мотивами звучит религиозный мотив — представление о поставленной Богом задаче... в этом понятии заключена оценка, согласно которой выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека... поэтому все дозволенные профессии равны перед Богом"¹⁹. Таким образом, по Лютеру и ряду его идеологических предшественников духовные и мирские профессии равнозначны. Здесь можно провести параллель со "всеобщим священством" верующих. Однако в отечественном контексте проблематика доктрины всеобщего священства характеризуется следующим образом: "Учение о всеобщем священстве в евангельской традиции наших стран пока лишь теория веры, а не практика жизни церкви. Словосочетание "всеобщее священство" отдает богословским привкусом, но за ним стоит реальность преображенной Реформацией культуры западного мира... А вот на вопрос о том, как это учение влияет на вашу обычную жизнь, многие ответят односложно — "никак"²⁰. Таким образом, классическое понимание доктрины всеобщего священства повлияло на культуру Запада и в более широком смысле, поскольку и светский труд воспринимался как служение. Чего пока что нельзя сказать

¹³ Там же. Анализ этой проблемы был посвящен научно-практический семинар "Позитивное исповедание" (СПб., 24-25 февраля 2012 г. Организаторы - Центр Апологетических Исследований, СПбХУ).

¹⁴ Очень глубоко данная проблематика раскрывается в книге Вольфганга Бюне "Игра с огнем" (Бюне В. В. Игра с огнем. Билефельд, 1991.)

¹⁶ Религиоведение: учебное пособие / А.В. Матецкая [и др.]. Ростов н/Д: Феникс, 2009., с. 37.

¹⁷ Вебер М. Указ соч. С. 44-45.

¹⁸ Горбачева А. Протестантская трудовая этика // Газета "Мирг". №3, 80.

¹⁹ Вебер М. Указ соч. С. 57-59.

²⁰ Горбачев А. Протестантская трудовая этика.

об отечественном контексте, в первую очередь в силу исторических обстоятельств 20 века. Таким образом, на сегодняшний день роль труда в жизни христианина в отечественном христианском сообществе переосмысливается с иной точки зрения.

Справедливости ради стоит, однако отметить: "Немецкое слово "Beruf"... до перевода Библии Лютером в своем нынешнем мирском значении [т.е. призвание к конкретной профессии] не было известно ни одному из тех языков, в которых теперь оно существует... Лютер переводит словом "Beruf" два совершенно разных понятия... Речь идет о чисто религиозном понятии... [которое] ничего общего не имеет с мирским "призванием" в современном смысле этого слова..."²¹ Подобным образом, дело обстоит и сегодня. Если в постперестроечный период приоритет при выборе деятельности все же отдавался христианской профессии (поэтому наблюдался значительный спрос на получение образования в христианских учебных заведениях), то сегодня очевидна все более акцентированная равнозначность светских и духовных профессий. Однако общая проблема выглядит следующим образом: при ответе на вопрос о своем призвании либо к служению, либо к конкретной профессиональной деятельности даже те верующие, которые полагаются на конкретное и прямое "призвание" от Бога к определенной профессии вплоть до личного откровения, не могут сослаться на тот или иной библейский отрывок, и рассуждения на данную тему переводятся в плоскость поверхностных библейско-богословских спекуляций, а основным аргументом в пользу той или иной деятельности на основании божественного призвания порой сводится просто к внутренним субъективным чувствованиям верующего. Поэтому в евангельском сообществе часто проявляется острая потребность в формировании системного богословия труда хотя бы в общих чертах.

Переходя от понятия призвания к рассмотрению взаимосвязи спасения и профессиональной деятельности, необходимо сказать, что, в соответствии с кальвинистским богословием, трудиться необходимо, чтобы иметь субъективную уверенность в своем спасении, которую и можно приобрести разве что через усердный труд. Это сегодня реформатские церкви, особенно западные, поощряют те или иные формы деятельности, имеющие социальное значение, с целью улучшить мир. Изначально понимание роли труда по Кальвину было все же несколько иное. В то же время вероучение большинства протестантских и постпротестантских конфессий на Западе предполагает, что добропорядочный христианин должен трудиться, поскольку к этому призывает Писание. Следуя этой логике, можно ли сказать, что современное российское евангельское сообщество повторяет путь своих западных предшественников? Есть ли надежда, что российские протестанты "дорастант" до Запада и также активно будут преобразовывать современное общество? Или у российских верующих для этого пока недостаточно культурно-легитимного статуса и потенциала? Ведь при советской власти верующие трудились просто потому, что есть такая заповедь, а также чтобы не потерять спасение (а не только чтобы иметь уверенность в нем). Здесь косвенно выявляется тот аспект протестантского вероучения о спасении по вере, который получил свою специфическую окраску именно в отечественном культурном контексте: верующий не только ничего не может сделать для своего спасения (которое зависит только от Бога), но и для кардинального изменения общей ситуации, поскольку даже традиционные протестанты в России были и остаются скорее маргиналами, нежели полноправными

членами общества. Таким образом, евангельское сообщество в полной мере еще не набрало достаточно потенциала (практического и теоретического) для активного преобразования окружающего мира, но в то же время труд уже и не связывается напрямую со спасением. Получается, что верующие живут "по благодати", что предполагает снисходительное отношение к профессиональной некомпетентности, ошибкам, допускаемым в рамках профессиональной деятельности и т.д. Никольская пишет: "К сожалению, у современных русских протестантов соблюдение трудовой этики, ответственность, стремление к высокому профессионализму не являются сильными чертами, поэтому исторический опыт наших предшественников может и должен послужить добрым примером"²². Здесь видно отличие от богословско-практического пути, который прошли западные протестанты, сначала напрямую связывая свое спасение с усердным трудом, потом же доказывая наличие спасения своим благополучием. По этому поводу Вебер писал: "...В одном случае верующему вменяется в прямую обязанность считать себя избранником Божиим... ибо недостаточная уверенность в своем избранничестве свидетельствует о неполноте веры и, следовательно, неполноте благодати... На смену смиренным грешникам, которым Лютер сулил Божью милость, если они, преисполненные веры и раскаяния, вверят себя Богу, теперь в лице непреклонных купцов героической эпохи капитализма приходят выпестованные пуританизмом "святые".²³ Возникает вопрос: не повторяют ли российские верующие западный путь развития в этой перспективе? Если миссионер и видный евангельский деятель лорд Редсток (1833-1913), которого считают праотцом отечественного евангельского сообщества, проповедовал спасение только по вере, то сегодня полнеевангельские верующие утверждают истинность "богословия процветания". Таким образом, "первое" постперестроечное поколение готово дать отчет в своем уповании, но живет и работает "по благодати". В свою очередь, нынешние харизматы расскажут про свой успех, на котором базируют истинность своей веры и наличие спасения (причем акцент зачастую делается на успех и в работе, и в служении), но не смогут найти ни одного подходящего библейского отрывка для оправдания взаимосвязи успеха и спасения. Причем зачастую харизматы не могут изложить суть своей веры в более-менее упорядоченном виде.

Вебер отмечал, что: "в качестве лучшего средства для обретения внутренней уверенности в спасении рассматривается неутомимая деятельность в рамках своей профессии. Она, и только она, прогоняет сомнения религиозного характера и дает уверенность в своем избранничестве"²⁴. И далее: "...Добрые дела необходимы как знак избранничества"²⁵. Тем не менее, последствия данной установки мы видим в формировании ряда идей, свойственных вероучению ряда современных церквей: к примеру, верующий не обязан уметь систематически излагать суть своих убеждений или даже знать центральные библейские доктрины. Главное — иметь высокий профессионализм в том деле, которое он исполняет — светском или церковном.

Проследивая последовательность рассуждений Джона Уэсли, идеолога методистского движения, Вебер указывает на следующую динамику: расцвет чисто религиозного энтузиазма (попытка обрести спасение только духовно) — трезвая профессиональная добродетель — утилитарная посяторонность²⁶. Что, в свою очередь, происходит в России? Динамика развития евангельского сообщества в постперестроечный период весьма напоминает западный путь, к тому же эта динамика отслеживается и на профессиональном уровне (за рядом

²¹ Вебер М. Указ соч. С. 92.
²² Никольская Т. К. Социальная концепция русского протестантизма в контексте истории.

²³ Вебер М. Указ соч. С. 118-119.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 120.

²⁶ См. там же, с. 170-171.

исключений, к примеру, кальвинизм как системное вероучение изначально не оставляет места чувствам; в свою очередь, специфика харизматического вероучения в том и заключается, что рационализм не имеет принципиального значения, а приоритет отдается субъективным чувствам — присутствия Бога, схождения Святого Духа, уверенности в спасении и так далее). Таким образом, в начале 90-х гг. евангельские церкви действительно делали упор на "благодать". Позже началось (и еще не закончилось) переосмысление таких понятий, как профессиональная деятельность, отношение к финансам и пр. В то же время начал наблюдаться всплеск харизматического и полнеевангельского движений. Но если даже кальвинизм по Веберу ведет к желанию комфорта и "утилитарной посюсторонности", то какие прогнозы можно сделать относительно дальнейшего развития харизматического и полнеевангельского движений? Что ждет российское евангельское сообщество, если оно будет следовать западному пути?

Таким образом, кратко рассмотрев как историческую динамику развития протестантского богословия труда в западном протестантизме, так и отечественную динамику развития евангельских церквей, можно обозначить следующие выводы.

В контркультурных религиозных меньшинствах (на примере СЦ ЕХБ в советский период) труд понимается в лучшем случае как способ выживания, а также как наказание за первородный грех.

В традиционных церквях ("религиозный мейнстрим" на примере современной РЦ ЕХБ, ХВЕ, ЕХ) труд — это просто исполнение заповеди работать наряду с начавшимся переосмыслением христианской трудовой этики, призвания христианина в работе и пр.

В новых полнеевангельских церквях труд, что свойственно традиционному кальвинистскому вероучению, — это субъективный признак своего спасения. Однако в отличие от учения Кальвина делается гораздо больший упор на преуспевание (в качестве одного из аргументов приводится стих "хочу, чтоб имели жизнь с избытком" (Ин. 10:10)), и если Кальвин не был сторонником богатства ради богатства и наслаждения, то среди современных полнеевангельских верующих не считается зазорным иметь гораздо больше материальных ценностей, чем

нужно, причем не для преобразования мира, а скорее для повышения комфорта собственной жизни.

В число наших задач не входил доскональный анализ богословия труда протестантских конфессий. В статье мы постарались показать понимание профессиональной деятельности представителями тех или иных церквей.

Предыдущая публикация автора статьи была посвящена типологии существующих в культурном пространстве Северо-Запада деноминаций²⁷. Что касается культурологической типологии церквей, то в публикации представлено три типа: 1) церковь как контркультура; 2) культурная церковь; 3) церковь как субкультура. Интегрируя общие выводы в данной статье с данной культурологической типологией, можно увидеть общие тенденции в формировании отношения к труду среди верующих тех или иных конфессий. Безусловно, контркультурным церквям свойственно понимание труда как проклятия, о чем говорилось в начале статьи. Что касается восприятия труда как заповеди (и не более), то подобное понимание может быть свойственно членам как "культурных" церквей, так и церковных субкультур. Все зависит от того, насколько та или иная община переосмысливает этот и другие вопросы с христианской точки зрения. Однако самое раннее предположение, которое можно сделать по этому поводу, звучит так: стремление переосмыслить профессиональную и церковную деятельность, а также повысить профессиональный уровень, как в светской, так и в церковной сфере зачастую принадлежит скорее представителям тех церквей, которые стремятся как можно глубже вписаться в окружающую среду (т. е. "культурных церквей"). Основной мотив — завоевать общественное признание, в том числе посредством качественной профессиональной деятельности. Тем не менее, для многих верующих труд воспринимается либо как обязанность, либо как вынужденное бремя.

Подводя итог анализу, можно сделать вывод, что для более продуктивного взаимодействия евангельских кругов с окружающим обществом в настоящее время продолжается переосмысление отношения к профессиональной деятельности, основанное на восприятии западного опыта протестантов и, в то же время, учитывающее отечественный контекст. Очевидно, что восприятие труда как некоей тяжелой обязанности или просто заповеди без соответствующего переосмысления не будет плодотворным ни для общества, ни для самих верующих.

²⁷ Белов А. Культурная типология протестантских конфессий в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга // "Телескоп": журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 5 С. 30-37.